

МРНТИ 13.11.22, 13.11.44

Научная статья

<https://orcid.org/0000-0001-9893-6461>

<https://orcid.org/0000-0001-9905-0320>

<https://orcid.org/0000-0002-9692-8684>

<https://orcid.org/0009-0006-5932-7122>

<https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-188-214>

День Благодарности: роль культурного наследия в конструировании общей идентичности и символической политике Республики Казахстан

Зубайда К. Сураганова¹, Нурбек С. Пусырманов², Еркебұлан Р. Аманғосов^{3*},
Альбина Т. Культаева⁴

Институт истории государства, Астана, Казахстан

E-mail: eramangosov@yandex.kz (corresponding author), suraganova_zk@mail.ru,
nurbekp89@gmail.com, kultaeva02@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа написана на основе анализа выступления Президента РК, инициировавшего в 2015 г. День Благодарности, официальной Концепции праздника, заложенных в ее основу ключевых идей, медиаконтента об этом празднике, материалах, дающих представление об истории формирования полиэтничного сообщества – народа Казахстана, устноисторических свидетельствах о депортации различных народов на территорию республики.

Привлечение исторических документов и полевых материалов позволяет выявить культурные основания праздника, проистекающие из исторической и культурной травмы и коллективной памяти казахстанцев. Анализ источников позволяет раскрыть не только базовые основания праздничной даты, но и определить еще один важный аспект – влияние традиционных практик гостеприимства, институционально обеспечивших прием неиндигенного населения в Казахстане.

Научная значимость работы определяется междисциплинарным историко-антропологическим подходом, позволяющим расширить границы понимания исторических и культурных оснований актуализации праздника.

Методологической базой статьи стали теории гостеприимства, памяти, эмпатии и символической политики. Благодаря указанным теоретическим перспективам стало возможным выявить неявные основания рассматриваемого праздника.

Анализ официальной концепции Дня Благодарности позволяет рассматривать его как праздник, объясняющий историю и этапы формирования полиэтничного сообщества республики и на основе которого, в том числе, конструируется социальная и политическая общность – народ Казахстана.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в научно обоснованном определении конструктивных оснований Дня Благодарности, проистекающих из общности исторической судьбы народа Казахстана, а также дополнении к официальной концепции праздника.

Ключевые слова: праздник; День Благодарности; символическая политика; Казахстан; гостеприимство; историческая травма; коллективная память; национальная идентичность.

Received 28.07.2023. Revised 28.10.2023. Accepted 15.11.2023. Available online 30.03.2024.

For citation:

Suraganova Z.K., Pusyrmanov N.S., Amangosov E.R., Kultaeva A.T. Gratitude Day: the role of cultural heritage in the construction of a common identity and symbolic policy of the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2024. – Vol. 146. – No. 1. – P. 188-214. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-188-214>

Для цитирования:

Сураганова З.К., Пусырманов Н.С., Аманғосов Е.Р., Культаева А.Т. Алғыс айту күні: Қазақстан Республикасының символдық саясаты мен ортақ бірегейлікті құрастырудағы мәдени мұраның рөлі // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінта-ну сериясы. – 2024. – Т. 146. – №. 1. – С. 188-214. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-188-214>

Введение

Учреждение праздника День благодарности. Каждое современное многоэтническое государство имеет свою историю собирания нации и формирования национальной идеи. В Казахстане идею собирания нации осуществляют, в том числе, на базе Ассамблеи народа Казахстана (далее – АНК). Ее трибуну используют для выражения ключевых консолидирующих идей, поскольку целью создания этого института гражданского общества, являющегося важным структурным компонентом политической системы страны, «является обеспечение общественного согласия и общенационального единства в Республике Казахстан на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности этносов Казахстана при консолидирующей роли казахского народа» (Об АНК, 2008: URL).

Создание АНК предусматривает участие этого института в консолидирующих процессах нациестроительства на основании Положения об АНК, утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 7 сентября 2011 года № 149, а также в рамках реализации следующих программных документов, как Концепция развития АНК на 2022–2026 гг., Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства, утвержденные указами Президента Республики Казахстан соответственно от 15 сентября 2022 года № 1014 и от 28 декабря 2015 года № 147.

На основании сведений, представленных на официальном сайте АНК, в его состав входят представители от различных политических партий (Деятельность Ассамблеи народа Казахстана: URL). Согласно Конституции Республики Казахстан из десяти депутатов Сената пять назначаются на основании предложения АНК (Конституция Республики Казахстан: URL).

На XXII сессии АНК, прошедшей под эгидой идеи «Мәңгілік Ел: одна страна, одна судьба» 23 апреля 2015 года Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в своем докладе, отмечая условия и качество формирования полиэтничности («Весь прошлый XX век на территории Казахстана шел сложный процесс формирования многоэтнического народа», «Как видите, наша многоэтничность была искусственно создана политической системой», «У нас есть прочный фундамент для мира и согласия. ...Это и есть казахстанское чудо, благодаря чему мы так живем»), предпринял экскурс в историю XX века Казахстана: «В самом начале века в ходе крестьянского переселения периода столыпинских реформ в Казахстан прибыло 1 миллион 150 тысяч человек из России, Украины и Беларуси. Через два десятилетия, в 30-е годы, во время коллективизации из центральных районов бывшего СССР в Казахстан было сослано 250 тысяч раскулаченных крестьян. В это же время на строительство промышленных объектов со всех уголков страны было переселено порядка 1,2 миллиона человек. При сталинском режиме в разные годы были депортированы целые народы – около 800 тысяч немцев, 102 тысячи поляков, 550 тысяч представителей народов Северного Кавказа, 18,5 тысячи корейских семей с Дальнего Востока. Их выгружали из вагонов прямо в голой степи. В то время здесь жили только казахи. Поэтому они и принимали. И казахские семьи, сами находившиеся в крайней нужде,

принимали их в свои саманные дома. Наша семья также приняла супружескую пару с тремя детьми» (Выступление Президента Казахстана..., 2015: URL). В ходе этого выступления Президентом было выдвинуто предложение: «Было бы справедливым день образования Ассамблеи народа Казахстана – 1 марта – ежегодно отмечать, как День благодарности всех этносов друг к другу и к казахам, проявившим милосердие и принявшим этих людей как родных. Это еще больше сблизило бы нас. Этот день может стать ярким праздником милосердия, дружбы и любви всех казахстанцев друг к другу» (Выступление Президента Казахстана..., 2015: URL). Выбор даты празднования Дня благодарности – 1 марта – обусловлен временем создания консультативно-совещательного органа при Президенте Республики Казахстан – АНК Казахстана на основании Указа Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 года № 2066 (Об образовании АНК, 1995: URL).

При беглом ознакомлении с текстами приведенного выше выступления на сайте АНК 2015 года и официальной Концепции празднования Дня благодарности, утвержденной постановлением Правительства Республики Казахстан от 5 января 2016 года, очевидна их содержательная и стилистическая близость. Концепция указывает на фактор влияния государственной политики Российского и затем Советского государства на формирование полиэтничного состава республики, которое, как указывается в ней, происходило в рамках государственных акций: освоение пустующих земель (в начале XX в. – 1,2 млн чел. из России, Украины и Беларуси), ссылок (1930-е гг. – 250 тыс. крестьян), в ходе индустриализации (1,2 млн чел.), депортаций (более 1,5 млн чел.: из Поволжья, европейской части СССР, Северного Кавказа, и Дальнего Востока) (О проекте Указа Президента РК, 2016: URL).

Согласно концепции праздника его целью определено «сохранение и развитие единства многонационального Казахстана на основе общей истории, памяти о совместных трудностях, пережитых благодаря поддержке казахов и всех этносов друг другу». Как отмечается в этом документе, «с начала XX века в Казахстан было переселено 5,6 миллиона человек. Казахские семьи, находившиеся в сложных экономических условиях, приняли все приезжие народы» (О проекте Указа Президента РК, 2016: URL).

В разделе «Информационно-идеологическое сопровождение праздника» рассматриваемого документа отмечается, что «в рамках празднования Дня благодарности необходимо делать акцент на событиях, подчеркивающих общее участие различных этносов в развитии страны при консолидирующей роли казахов. Особое внимание важно уделять освещению истории формирования современного казахстанского общества, сформированного в ходе сложных исторических событий благодаря заботе, вниманию, гостеприимству и поддержке казахов» (О проекте Указа Президента РК, 2016: URL).

Содержание концепции и сам факт появления в календаре праздничных дат Казахстана праздника День благодарности представляют исследовательский интерес с точки зрения изучения роли государства в использовании символических ресурсов в формировании государственной политики, направленной на консолидацию

в процессе нациестроительства. Исследовательский интерес, с одной стороны, определяется задачей выявить концептуальную основу, идею и цели, лежащие в основе учреждения этого праздника; с другой – необходимостью понять и попытаться объяснить указание на казахскую традицию гостеприимства.

Материалы и методы

Хотя в рассматриваемой концепции процессы изменения этнической и демографической характеристик населения Казахстана связывают с XX веком, известно, что их начало приходится на два столетия ранее – на XVIII век. Позднее, в продолжении 1824–1860-е гг. в степных и полупустынных ареалах Центрального, Юго-Восточного, Южного и Восточного Казахстана отмечается инфильтрация небольших групп неиндигенного населения (История Казахстана, 2000: 203). С этого времени в миграционный процесс в казахскую степь вовлекаются военно-казачья (нач. XVIII в.) и крестьянская (1824-1860 гг.; 1870–1890 гг.) колонизация (История Казахстана, 2000: 205-216), татарская (История Казахстана, 2000: 203, 219, 212, 224, 257-261; Махмутов, 2016), уйгурская и дунганская (с 1870-1880-е гг.) (История Казахстана, 2000: 230-254), немецкая (Эпендиев, 2015: 240-247; Бургарт, 2012: 9-7), польская (Гавенцки, 1998; Жумашев, Елеуханова, 2014; Из истории поляков в Казахстане, 2000), корейская (Кульбаев, Хегай, 2000) и другие диаспоры (История Казахстана: народы и культуры, 2000: 255-267).

Учитывая указанное обстоятельство, в статье использованы материалы в пределах данных хронологических рамок, включая сочинение Ф. В. Пояркова (1901), тексты статей, интервью, опубликованные в книге «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», вышедшей в рамках международного проекта «Память во имя будущего», инициированного Ассамблеей народа Казахстана и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ в 2010 г., полевой материал, полученный в ходе исследований 2012–2014 гг., проведенных на территории Северного, Центрального и Восточного Казахстана, а также медиаматериалы, выявленные в интернет-пространстве. Кроме того, использованы материалы Центра русских исследований Гарвардского университета Джеймса Кричлоу (James Critchlow) для Helsinki Watch.

Для анализа привлеченных материалов применены традиционные полевые методы этнографии, методы case-study, контент-анализ, количественный и качественный анализ. Количественный метод, использованный для анализа текстов 82 интервью казахстанцев, представителей 16 этносов – депортированных народов и их потомков, включенных в книгу «Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории», выявил интересную деталь. В интервью, включенных в книгу, 35 раз повторяется слово «гостеприимство».

Поскольку в статье предлагается рассмотреть символический аспект государственной политики применен интерпретативный подход, опирающийся на междисциплинарное исследование. Поэтому методологически работа основывается

на теоретических перспективах концепций памяти (Я. Ассман, П. Нора, М. Hirsch, А. Кадырханова), гостеприимства (И. Кант, А. Кунанбаев, Ж. Деррида, П. Сорокин, Э. Жабес), эмпатии (С. R. Rogers) и символических функций культуры и политики Э. Кассирера и М. Эдельмана.

Результаты и их обсуждение

Начнем свое исследование в хронологическом порядке, со времени формирования диаспор на территории Казахстана. В этом нам поможет ряд ярких сюжетов – случаев, которые позволят понять смысл изложенной в концепции идеи гостеприимства.

Два случая представлены в работе «Последний эпизод Дунганского восстания» врача, основателя и главы Семиреченского отделения Российского географического общества, члена Московского археологического общества Ф.В. Пояркова. В ней исследователь, укоряя переселенцев-крестьян в нежелании и игнорировании просьбы тогдашнего военного генерал-губернатора Семиречья Г.А. Колпаковского помочь беженцам-дунганам (Поярков, 1901: 58-60), Ф. В. Поярков сравнивает реакцию индигенного населения, проявляющего солидарность и помощь по отношению к дунганам. В качестве яркого примера человеколюбия со стороны казахов он приводит случай, произошедший в 1895 г.: *«Партия русских крестьян поздней осенью переселялась из Акмолинской в Семиреченскую область. Партия эта шла прямою дорогою, но как видно, ошиблась расчетом во времени и около озера Балкаша ее застали сильные холода. Запасы продовольствия как для себя, так и для скота у переселенцев истожились, и больше половины у них уже подошло, а к довершению всех их бедствий еще выпал снег, и в течении нескольких дней свирепствовали снежные бураны. Партии переселенцев-крестьян, оказавшиеся в столь критическом положении, грозила неминуемая смерть, но казахи, живущие около Балкаша, как, то узнали об этих переселенцах и их страданиях: киргизы¹ нашли их, приютили у себя, обогрели и дали знать в Пишпек уездной администрации. Чтобы последняя выслала все необходимое для дальнейшего их следования, и, пока подоспела помощь от администрации, они все это время кормили целую партию крестьян, не взяв с них никакой платы»* (Поярков, 1901: 64). Свидетель миграции участников Дунганского восстания на территорию Семиречья Ф.В. Поярков повествует от имени одного из дунган о том, как их приняли казахи: *«Киргизы отставших наших женщин и детей, выбившихся из сил стариков по дороге подбирали и после доставляли нам, чем не мало они спасли народа нашего, но немало из них было и таких, которые, воспользовавшись нашим затруднительным положением, забрали себе наших жен и детей, и так они у них остались навсегда»* (Поярков, 1901: 37). Мы не пытаемся показать красивую картинку и приводим здесь выдержку из исторического источника в полном объеме. Наряду с помощью и поддержкой по отношению к беженцам присутствовали и нелицеприятные случаи.

Третий сюжет из воспоминаний узницы АЛЖИРа Гертруды Платайс свидетельствует о случае, произошедшем в годы красного террора: *«Одним зимним*

¹ В российской историографии и документах имперского периода казахов в то время именовали киргизами, а киргизов – каракиргизами.

утром мы несли с озера Жаланаши охапки камышей. Через некоторое время на берегу озера появились старики и дети, которые по команде старших начали бросать в нас камни. Конвоиры начали громко смеяться: мол, видите, вас не только в Москве, вас и здесь, в ауле, не любят. Я споткнулась об эти камни, а когда упала рядом с ними, то почувствовала запах молока и сыра. Я взяла кусочек и положила в рот – он показался мне очень вкусным. Я собрала эти камушки и принесла в барак. Там были и заключенные женщины-казашки. Они сказали, что это курт – высушенный на солнце соленый творог (Токаева, 2011: URL).

Временная разница представленных случаев составляет около 70 лет, с 1870 по 1938 г. Они свидетельствуют о том, что традиционный характер гостеприимства казахов в его этнографическом измерении вышел за пределы не только межродового и межплеменного взаимодействия, но стал дискурсом, способствовавшим налаживанию нормальных, основанных на взаимности отношений с представителями иных этнических сообществ, незнакомых ни с заповедью *Алаша-хана*, ни с этикетными нормами традиционного гостевого взаимодействия у казахов. Казахи, осознавая себя в качестве принимающей стороны, ответственной за здоровье и жизнь пришлых групп, отчетливо понимая, что последние вторгаются и претендуют на их жизненное пространство, помогают им. Если в контексте казахской культуры характер гостеприимства определялся и по-прежнему определяется обязательной реципрокацией, то во взаимоотношениях с неказахами в качестве ключевой доминанты стало эмпатическое сопереживание, сочувствие, выражение порядочности, справедливости и гуманности, которые можно объяснить с точки зрения казахского языка как *адалдық* (чистота, честность, добросовестность, порядочность, преданность, верность), *адамгершілік* (букв.: человечность).

Традиционное гостеприимство – *қонақжайлық* в казахском обществе подразумевало и до сих пор предполагает знание о нем как императиве, основанном на жестком каркасе реципрокности и этикета (Сураганова, 2009: 102–116). В степи гостеприимство *қонақасы* (букв.: «пицца гостя») – это специфический социальный феномен, возникший в глубокой древности с целью обеспечения путника пищей и кровом, сопровождавшегося ритуалом включения чужого в принимающий коллектив.

Лингвистический анализ казахских терминов гостеприимства – *қонақжайлық* (от *қонақ* – гость) показывает различие между европейской традицией, отсылающей к общеевропейскому понятию *hospes/hostis* – «чужеземец, нарушающий границы» (Зенкин, 2004) и казахским *қонақ*, этимологически восходящим к древнетюркскому *қон* – оседать, поселяться, избирать местом жительства (Древнетюркский словарь, 1969: 455). Лексическое поле вокруг основы *қон* не имеет негативного, несимметричного значения в отличие от вышеприведенного общеевропейского.

Как показывают источники, тюркская традиция гостеприимства распространялась не только на «своих», но и на «чужих». Гостеприимство в степи, так же как у горцев Кавказа, где оно этимологически восходит к тюркской же традиции – *куначество*, стало той эталонной практикой, которая предусматривает временное включение «чужого» в комплементарном режиме.

В традиционном мировоззрении казахов гостеприимство в качестве паттерна предполагало, что, принимая гостя и неукоснительно следуя традиции – завету легендарного первопредка *Алаша-хана*, хозяин брал на себя нравственное обязательство

не только перед людьми, но и перед духами предков по сохранению жизни, чести и достоинства гостя. Так степняк, исполняя закон предков, сохранял у соплеменников уважение к себе и свое имущество. Не принять или принять несоответствующим образом гостя у казахов значило потерять лицо, лишиться чести и достоинства и, возможно, части имущества (Сураганова, 2009: 102–116).

Исследователи, опираясь на документы эпохи депортации отмечают, что «Население районов, в которые осуществлялось выселение, в частности Казахской ССР, первоначально относилось с пониманием значимости этой меры в целях «внутренней безопасности в условиях военного времени» (Синицын 2011: 140). Полевые материалы говорят об обратном. Память 80-70-летних казахов хранит впечатления их старших родственников, родителей, которые были шокированы таким количеством прибывающих «наказанных». Сам вид новопривывших, их отчаянное положение свидетельствовало о массовом нарушении элементарных прав человека, о бесчеловечном отношении государства к целым народам. Казахское население, пережившее ужасы голода 1920-1930-х гг. в очередной раз убедилось в возможностях советской системы, способной «наказать» тысячи людей, вплоть до физического истребления (ПМ, 2012-2014). «Последствием депортации народов было не только их физическое переселение на другие места проживания, но и распыление среди коренного населения Казахстана, Средней Азии, Сибири и других регионов, ликвидация национально-территориальных образований, стирание этнонимов, передача исконных мест проживания депортированных народов другим народам для заселения и хозяйственного освоения. Перекраивание этнической и административной карты страны привело к негативным последствиям, имеющим непосредственное значение до сих пор (осетино-ингушский конфликт, крымско-татарская, турко-месхетинская и другие проблемы)» (Синицын, 2011: 142).

Тяжелые климатические условия определенного для спецпереселенцев нового места проживания, отсутствие элементарных условий (жилья, медицинского обслуживания, продовольствия), подавленное эмоциональное состояние, все в совокупности приводило к высокому уровню смертности. «Голод и болезни косили в первую очередь детей и стариков» (Алимгазинов, Чиликова, 2019: 38). Условия военного времени, поспешность и неподготовленность властей для перемещения огромных человеческих масс привели к самым тяжелым последствиям: в 1944–1946 гг. умерло 23,7 % чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, 19,6 % крымских татар, греков, болгар и армян, 17,4 % калмыков, 14,6 % турок-месхетинцев, курдов и хемшинов (Синицын, 2011: 140). Исследователи, опираясь на документальные источники утверждают, что «правовая незащищенность, уязвимость всех выселенных сопровождалась на местах выдворения новыми нарушениями их прав и свобод. Представители депортированных народов были морально и социально ущемлены, лишены элементарных прав» (Калыбекова, 2015: 100). Несправедливость, возмущение, протест, годы бесправия, вплоть до середины 1950-х гг. – вот неполная палитра чувств и ощущений, которые переживали депортированные.

В этих условиях казахи не по своей воле, выполняют роль принимающего сообщества. Во множестве недавно опубликованных работ, основная масса которых содержит прямую речь свидетелей и их потомков, обнаруживается указание на

гостеприимство в его гуманистическом измерении по отношению к насильственно перемещенным народам на территорию Казахстана. Слово «гостеприимство», наиболее часто встречающееся в этих исповедях. В значительной мере этим словом депортированные и их потомки характеризуют казахов и казахстанцев. И это не простая случайность, напротив, в этом присутствует важный посыл о том, как местное население, опираясь на свою исконную традицию, встречало озябших, измученных людей, проявляя эмпатию, основанную на признании самой главной ценности – человеческой жизни.

Депортированная из Украины Я.П. Шемчинская свидетельствует: «Ну, местные жители, они как помогали крепко, казахи людям нашим помогали, они обеспечили и дровами, и что там, и молоко, сено, сыр возили, масло возили. Ну там гостеприимные люди были... Сейчас все люди изменились, я вам хочу сказать, когда-то все были дружными, потому что была беда, поэтому все были дружными» (Депортация народов, 2013: 550). Уроженец Грузии, турок-месхетинец С. С. Мустафаев вспоминает: «Хорошо приняли казахи, молодцы. Таких казахов сейчас нет... Как, очень гостеприимны были, детям последнее молоко давали. Когда вспоминаешь, просто трудно *(плачет)*... голодный, холодный... Наши говорят, что казахи спасали. Не одна семья спасала, а все» (Депортация народов, 2013: 559).

Один из представителей греческой диаспоры, депортированных в Казахстан, вспоминает: «Of course, the local inhabitants showed us sympathy –living themselves wealthy life, they shared with us whatever they could» (Конечно, местные жители проявили к нам сочувствие – живя относительно обеспеченной жизнью, они делились с нами всем чем могли) (Shetkus, Pazilov, 2018: 106).

Насильственно вывезенный из Украины В. А. Ауман, ныне проживающий в г. Москве, вспоминает: «Вот, но казахи они были очень гостеприимными, они делились, и это характерная черта до сегодняшнего дня. Они делились с теми, кого выслали, последним, хотя это не исключает, скажем, вот такую вещь. Она с двух сторон характеризует. Вы помните, после целины мешками везли после уборки награды, конечно, в первую очередь эти награды получали лица коренной национальности, как тогда было принято. Но величие казахов как раз, в том и заключается, прежде всего я мог бы очень много говорить о Д. Кунаеве, который делал все возможное, для того чтобы справедливость какая-то все-таки была. Вопреки репрессиям, вопреки тому, что эти репрессии не были сняты, в Казахстане свыше 30 Героев Социалистического Труда *(речь идет о награжденных немецкой национальности – пояснение авторов)* в эти годы образовалось» (Депортация народов, 2013: 312).

В период с 15 июня по 8 июля 1991 года под руководством научного сотрудника Центра русских исследований Гарвардского университета Джеймса Кричлоу (James Critchlow) для «Helsinki Watch» было проведено исследование по изучению ситуации с представителями депортированных (среди них: немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары, ингуши, турки-месхетинцы, калмыки, карачаевцы, курды, балкарцы), в том числе на территории Казахстана. Результатом исследования стал отчет «“Punished peoples” of the Soviet Union. The continuing legacy of Stalin’s» для Венского филиала

Международной Хельсинкской федерации по правам человека (The International Helsinki Federation for Human Rights, which is based in Vienna), подготовленный под руководством Роберта Л. Бернштейна (Robert L. Bernstein) и опубликованный в сентябре 1991 года в США. В Казахстане Дж. Кричлоу встречался с немцами, корейцами и курдами.

Как показано в данном отчете, из всех опрошенных наиболее обеспокоена судьбой своего народа была курдская группа. По ее мнению, на территории бывшего СССР остался лишь Казахстан, в котором они все еще чувствуют себя комфортно, желанными гостями: «Briefly stated, the Kurds are worried that there is only one Soviet republic left, Kazakhstan, in which they still feel welcome» ("Punished peoples" of the Soviet Union..., 1991: 71). Курды озабоченно задавались вопросом, что случится, если в Казахстане изменится политика? – «What will happen," they ask, "if Kazakhstan suddenly changes its policy?» ("Punished peoples" of the Soviet Union..., 1991: 71).

Уроженец г. Владивосток, этнический кореец М. У. Хван выступает с идеей: «я думаю, в степи под Акмолинском, под Астаной построить вот такую огромную башню, металла, слава Богу, хватит... И я хочу так назвать, там будет написано: Благодатной казахской земле, казахскому народу... Вы знаете, в чем дело, у них просторы казахских степей, вот представьте, вот юрта одна, мороз, буран, вот кто, куда, не видно ничего, да? И тут кто-то появляется и стучится, а если не пустишь, он умрет, замерзнет. Но, такая же участь постигнет тебя с твоей семьей. Потому что ты в этих просторах без помощи, никак нельзя. Вы, понимаете, поэтому гостеприимство у казахов традиционно происходит уже... вы понимаете. И я бы хотел бы, конечно, чтобы народная благородная традиция осталась. ...эти качества, благородные качества, доброты, надо сохранять» (Депортация народов, 2013: 182).

Попавший в детстве в Казахстан А. Мусуков (1942 г. р.) в ходе интервью, записанном в июле 2012 года, вспоминал, как к нему относились казахи-соседи: «Помню, я часто пользовался их добротой. Если мне хотелось кушать, то я начинал с независимым видом ходить мимо соседского дома туда-сюда. А сам в это время смотрел, не увидят ли меня из окна. И вскоре окно открывалось, меня звали и набивали полные карманы чем-нибудь вкусным. Я сам не кушал, а бежал домой и все отдавал маме. Сейчас я понимаю, что почти попрошайничал. Но, думаю, меня извинит то, что мне было 5 лет» (Гугова, Нальчикова, Текуева, 2016).

Депортированный с Дальнего Востока И.Т. Пак, этнический кореец, свидетельствует: «Казахстанским корейцам, наверное, особенно повезло, я думаю. Все-таки мы же не зря говорим «казахская гостеприимность», это не отнимешь у казахов, казахская гостеприимность – в целом все-таки менталитет казахов, вот это гостеприимность. Культура, да. Вот это сыграло все-таки тоже большую роль. Чтоб мы могли здесь быстрее адаптироваться вот в этих всех совершенно других условиях. Если бы казахская земля вместе с казахами они не были бы такими, не обладали бы таким менталитетом, как гостеприимство, мы испокон веков гостеприимны были, тогда смогли бы мы так быстро здесь адаптироваться и влиться вместе с ними, вот, в частности, в строительство Казахстана? Вот это я сомневаюсь. Вот возьмите Узбекистан

и Казахстан, вот число корейцев в Узбекистане почти в два раза больше, чем у нас. Почему (улыбается) докторов, ученых с учеными степенями у них в два раза меньше, чем у нас? Вот показатели еще. Понимаете, да?» (Депортация народов, 2013: 167).

Один из потомков депортированных немцев подчеркивает: «Многие этносы попали в Казахстан в 40-е годы прошлого века в связи с массовой депортацией. Казахский народ, хоть и сам бедствовал, всех гостеприимно принял и обогрел. Депортированные люди это оценили и все свои силы, здоровье и опыт отдавали стране, которая их приютила. Добро не забывается, помнить о нем люди будут всегда» (Николаенко: URL).

Как отмечает американская исследовательница М. Пол (Michaela Pohl), многие ее информанты подчеркивали, что местное население и особенно казахи относились к спецпереселенцам с большим сочувствием и добротой. В условиях, когда никто другой им не мог помочь, казахи спасали их от голодной смерти. Поэтому в их памяти остаются имена их спасителей. В одной из историй информатор рассказал о семье Исмульдиновых, он помнит их имена – Хусейн и Назам (по всей видимости искаженное – Назым). Он сказал о том, что никогда не забудет их, поскольку в этой казахской семье его не только кормили, давая ему пищу больше чем своим детям, к нему относились с лаской и сочувствием, как к человеку, оказавшемуся не по своей воле на чужбине: «They always spoke with me very affectionately, and they felt sorry for me, knowing that I was in a strange land» (Pohl, 2002: 405).

Вышеприведенные тексты интервью являются для нас важным свидетельством того, что казахский обычай гостеприимства стал культурной основой формирования позитивного сценария взаимоотношений между индигенным и неиндигенным населением.

При этом надо понимать, что местному населению намеренно представлялся демонизированный образ депортированных. Так, Микаэле Пол (Michaela Pohl), исследовательнице из США, один из информаторов-казахов рассказывал, что, когда ему поручили привезти спецпереселенцев с железнодорожной станции, он испуганно ожидал увидеть «devils» («чертей») (Pohl, 2002: 406). Помимо демонизации спецпереселенцев, негативное или индифферентное отношение к ним со стороны казахов определялось их бедственным положением, вызванным тотальным голодом 1930-х гг.: «We are not inclined to idealize the relationship between immigrants and the Kazakhs, especially in the initial period of deportation. Before the arrival of the deportees' attitude toward him was not positive. The Greeks, in his memoirs noted that initially they were as «enemies of the people» As you explore the deported families attitude toward them changed. Local residents shared with starving products, as-sisted in the construction of housing. Patience and hard working as the basic qualities mentioned by the Greeks locals» (Shetkus, Pazilov, 2018: 106). В ряде воспоминаний это обстоятельство особенно подчеркивается: «The Kazakh had nothing either, they were poor too'» – «У казахов тоже ничего не было, они тоже были бедны» (Eist, 2018: 219). Воспоминания этих людей позволяют понять состояние принимающего сообщества в целом и индигенного населения, которое пережило ужасы голода 1930-х гг. и репрессий. Представительница курдского этноса депортированная из Азербайджана Х. Ф. Сеидова рассказывает: «В

те времена в Казахстане тоже был голод. Тем более еще началась война. Нам было трудно, но казахи помогали чем могли, они обращались с нами как со своими. Пусть Аллах даст Иман казахским бабушкам и дедушкам. Казахский народ – очень открытый, спокойный и гостеприимный народ. У казахов брали невесток, сами выдавали. Вот так и сроднились... После переселения поначалу было трудно. Все-таки чужая страна, чужие люди. Потому что не было работы, и никто не знал, что ожидает нас впереди. Но, хвала Аллаху, благодаря казахам, благодаря их гостеприимству мы прожили, остались живы. Казахский народ помогал нам чем только мог. Потом мы быстро научились казахскому языку. Потому что наши языки и культура очень схожи» (Депортация народов, 2013: 269).

В тяжелое предвоенное время и годы войны в условиях репрессивного тоталитарного строя гостеприимное, эмпатическое отношение казахов к десяткам тысяч переселенцев, сосланных, депортированных корейцев, поляков, немцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей и других позволило всем вместе выстоять.

Поворотным в осмыслении этой традиции стало интервью одного из авторов статьи с почтенным жителем одного из аула в Шынгыстау, который на провокационный вопрос, вызванный смешанным расположением могил немцев с казахскими на местном кладбище: «Қазақ зиратында/қорымында неліктен крест қойылған молалар кездеседі?» («Почему на казахском кладбище находятся могилы с крестами?») ответил исчерпывающе: «Онда жатқан адамдардың қандай айырмашылығы бар? Ол да адамның баласы!» («Чем отличаются люди, лежащие там? Они тоже дети человеческие!»)» (ПМ, 2012-2014).

Интервью состоялось в 2014 году в ауле Саржал Абайского района Восточно-Казахстанской (ныне Абайской) области, где до 1991 года около 50% жителей были депортированные немцы и их потомки. Умерших сельчан хоронили на одном кладбище. Ответ был быстрым, без размышлений. Для информатора вопросы этнической и конфессиональной принадлежности его бывших односельчан не имели значения. Главное то, что это – люди, «дети человеческие», все остальное для него вторично...

Надо сказать, что кладбище четко маркирует зону распространения фронта в казахской степи в XX веке. В ходе полевых исследований 2012–2014 гг. получен интересный итог: там, где численно доминировало казахское население, у поселений было только одно кладбище, куда хоронили всех сельчан. В некоторых местах в границах одного кладбища отмечались невысокие валы, отгораживающие могилы неказахов от всего остального пространства. И как показывает вышеприведенный ответ почтенного степняка, очевидно, что для индигенного населения этническая и религиозная принадлежность неказахов не имела существенного значения (ПМ, 2012-2014).

Такое отношение определялось осознанием похожести людей, их родства, которое красной линией проходит через творчество многих мыслителей человечества. Великий Абай писал: «Человек человеку друг. Потому что все в жизни – рождение, воспитание, чувство сытости, голода, печали, горя, форма человеческого тела, путь, которым являешься на свет (место (земля), на которой ты появился) и (место, куда ты

уходишь) которым уходишь их него – все у всех одинаково; ...Все люди гостят друг у друга, сам человек – гость в этой жизни, так стоит ли злословить, враждовать из-за богатства, завидовать чужому счастью, коситься друг на друга из-за пустяков» (Абай, 1993: 207). В целом казахам присуще понимание жизни каждого человека как кратковременное гостевание в этом мире, которое понуждает быть гостеприимным по отношению к «другому» или «чужому».

Близкое, по сути, понимание гостеприимства нашло отражение и в философии, и в культуре Западной Европы. Немецкий философ И. Кант еще в XVIII веке обозначил в качестве третьей и окончательной статьи договора о вечном мире: «Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства» (Кант, 1966: 276). Мыслитель, понимал под гостеприимством не человеколюбие, но право, и гостеприимство в его интерпретации представлялось как «...право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом. Он может выдворить его из своей страны, если это не ведет к гибели пришельца, но пока последний мирно живет там, он не должен обходиться с ним враждебно. Право, на которое может притязать чужестранец, – это... право посещения, принадлежащее всем людям, сознающим себя членами общества, в силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и потому должны терпеть соседство других; первоначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли. ...Но это право на гостеприимство, т.е. право пришельца, не распространяется дальше возможности завязать сношения с коренными жителями», однако, столкнувшись с экспансионистскими, захватническими устремлениями пришельцев, местное население вправе вовсе отказать во въезде на свою территорию (Кант, 1966: 275).

Ратуя за равноправие народов и гражданских прав каждого отдельного человека, русский философ П. Сорокин, наблюдая разрушительные последствия Первой мировой войны, выражал надежду на то состояние мира, когда национальные идеи будут согласованы с идеями человечества, когда «...национальность не будет противоречить идее... «человека» (Сорокин, 1917: 28). Он писал по этому поводу в 1917 году в своей работе «Вечный мир и всемирное единение народов»: «Своим ближним» мы считаем теперь уже всех. Заповедь «не убий» наше сознание распространяет не только на своих соотечественников, но и на всех людей» (Сорокин, 1917: 21).

Методологический сдвиг в изучении феномена гостеприимства в XX веке получил свое развитие. Он перестал быть лишь предметом этнологии и антропологии, он стал занимать умы философов как система включения «другого». Сегодня феномен гостеприимства – одна из центральных тем гуманистической этики в мировой науке и культуре.

Пережившие потрясения Второй мировой войны, ученые и деятели Европы стали рассматривать гостеприимство как единственно возможный вариант человеческого взаимодействия. В поэтической и философской рефлексии французской послевоенной культуры этот тезис был наиболее развит. И поэт Эдмон Жабес (1912–1991), и философ Жак Деррида (1930–2004) настаивают на безвозмездном,

альтруистическом характере гостеприимства.

В одном из своих сочинений («Гостеприимство языка») Э. Жабес дает развернутое понимание проблемы принятия «чужого» в контексте европейской культуры середины XX века:

- ...Зачем ты явился в мою страну?
- Твоя мне милей всех.
- Симпатия к моей родине еще не оправдывает твоего назойливого присутствия среди нас.
- Чем я для тебя нехорош?
- Чужак, ты для меня чужак навсегда. Живи у себя, а не тут.
- Я говорю на языке твоей родины.
- За языком стоит народ, нация. Какой ты национальности?
- Теперь уже твоей.
- Страна – это в первую очередь земля.
- И земля отзывается в моей речи. Но, согласен, она не моя... (Жабес: URL).

В своей работе «О гостеприимстве» Жак Деррида вычленяет два уровня гостеприимства – «абсолютное» и «условное». При этом, как подчеркивает философ, «абсолютное гостеприимство» предполагает, что хозяин, открывая дверь незнакомцу, позволяет войти не только ему самому, но и «абсолютному, неизвестному, безымянному другому»: «Absolute hospitality requires that I open up my home and that I give not only to the foreigner (provided with a family name, with the social status of being a foreigner, etc.), but to the absolute, unknown, anonymous other, and that I give place to them, that I let them come, that I let them arrive, and take place in the place I offer them, without asking of them either reciprocity (entering into a pact) or even their names» (Derrida, 2000: 25).

Еще одна концепция – теория эмпатии – помогает нам понять важность человеческого участия, сопереживания. Согласно ее центральной идее в рамках гуманистической психологии – быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого в полной мере, то есть становиться этим другим, но без потери ощущения «как будто», ощущать радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимать их причины, как он их воспринимает – «a little more of the flavor of the feeling, that almost as if you're really weeping for yourself» (Rogers, 1975: 9).

Как видим, приведенная выше концепция Абая перекликается с идеями «всеобщего гостеприимства» И. Канта, «абсолютного гостеприимства» Ж. Деррида и теорией эмпатии К. Роджерса, что говорит о единстве понимания ценности человеческой жизни.

Таким образом, можно утверждать, что обычай гостеприимства казахов, равно как и практики взаимопомощи, входящие в ядро казахского этнонационального сознания (Казиев, 2015: 34), проявились в рассматриваемый период в полной мере. Так культурное наследие степняков стало гуманистической основой для развития межэтнических отношений, определявшихся человечностью, где на первый план выдвинулась не традиционная реципрокация, а эмпатическое отношение – сочувствие, сопереживание и человеческая ответственность.

Интеграция в довольно короткие сроки (1930–1950-е гг.) огромной массы этнически и культурно отличающихся от коренного населения людей осложнялась историческими обстоятельствами (последствия массового голода 1920–1930-х гг.), условиями военного времени, ориентацией всей экономики на обеспечение фронта, но несмотря на «противоречивое отношение местных к спецпереселенцам, врожденное добродушие, гостеприимство и толерантность казахов взяли верх над идеологическими постулатами режима. Осознав, что попавшие на их землю по воле злого рока не враги, а лишены, местные жители помогли депортированным освоиться в Казахстане» (Алимгазинов, Чиликова, 2019: 40).

В указанном выше отчете «*“ Punished peoples” of the Soviet Union. The continuing legacy of Stalin’s*» использовались также материалы из СМИ. Среди них приводится цитата из газеты «Казахстанская правда» от 16 ноября 1990 года, где хирург, представитель этнической группы турков-месхетинцев, работающий в Казахстане, сетует на то, что его народ не может жить спокойно: «*they won't let us live in peace*» («жить спокойно нам не дают»). Сама цитата охарактеризована как «Плач турецкого месхетинца, хирурга, работающего в Казахстане» (*“ Punished peoples” of the Soviet Union...*, 1991: 51). Она приводится здесь как свидетельство разного отношения и оценок жизни на территории Казахстана. Кроме того, приведенная оценка несколько уводит нас от времени, когда в Казахстан прибывали насильственно перемещенные народы, она дает представление о времени накануне развала Союза, экономической разрухи и социальной нестабильности.

Итак, насильственная депортация в Казахстан внесла свой существенный вклад в качественное изменение этнодемографического состава населения. Оказавшись в значительной степени не по своей воле в роли принимающего сообщества, казахи вынуждены были вырабатывать новые адаптивные стратегии и практики для сохранения собственной идентичности и традиционной культуры, вступая во взаимодействие с пришлым населением.

Память об общей травме находит отражение в воспоминаниях депортированных. Самым тяжелым последствием депортации стало формирование исторической и культурной травмы, определившей дальнейшее существование этих народов. В одном из интервью потомок спецпереселенцев очень точно передал участь и переживания своих сородичей: «Когда человека отрывают от родной земли, он лишается возможности сопротивляться. Может быть, для этого в свое время тоталитарный режим и принял решение переселять некоторые народы со своей Родины. Земля – это не просто территория. Для вайнахов и вообще для любого человека понятие «земля отцов» имеет большой глубинный смысл, является источником вдохновения, сподвигает на будущие победы. Поэтому для вайнахов насильственный отрыв от земли отцов был сродни смерти» (Рахметуллина, 2014: URL).

В современной реальности потомки депортированных устраивают общественные поминовения в дни депортации (Крымско-татарская диаспора Алматы..., 2017: URL). Так, медиапространство ежегодно пополняется сюжетами из самых разных уголков республики о проведении чеченской диаспорой 23 февраля благотворительных раздач

неимуцим – садақа, актуализируя память о начале печальной известной операции «Чечевица» в 1944 году (Голубева, 2020: URL), дают поминальный обед (Саидов, 2019). В ряде регионов отмечают день памяти депортации в домах дружбы (Ахмаров, 2019), устанавливают памятные знаки (В Карагандинской области..., 2011: URL).

Указанные коммеморативные практики свидетельствуют не только об актуализации феномена посттравматической коллективной памяти, но и постпамяти. Очевидцы тех трагических событий уходят, вместо них остаются их потомки, чья память хранит печальные воспоминания. Последние, согласно мнению американского ученого М. Хирша, определяются как «постпамять», которая выражает память не очевидцев события, а последующих поколений, которые «помнят» только посредством историй, образов и поведения, среди которых они выросли (Hirsch, 2008: 111–114).

Стойкости памяти о депортации казахстанская исследовательница А. Кадырханова, опираясь на тезис Кэти Карут (С. Caruth) о делящейся темпоральности травмы, предложила «метафорическое сравнение: время после СССР – это безвременное пространство травмы» (Кадырханова, 2019: 246). «Воздействие травмы теоретически бесконечно, и время не лечит, – подчеркивает А. Кадырханова, – поскольку «травма проявляется по времени позже, она в первую очередь распространяет свое влияние на детей человека, ее пережившего, которые становятся, с одной стороны, вторичными жертвами репродуцированного травматического опыта, а с другой – свидетелями, в коммуникации с которыми этот опыт начинает оформляться в происшествие» (Кадырханова, 2019: 246–247).

Таким образом, постпамять – это качественно другой уровень памяти людей, присваивающих себе часть воспоминаний членов своей семьи на основе глубокой эмоциональной и душевной привязанности к ним. Поэтому, объясняя устойчивость воспоминаний об ужасах, связанных с депортацией, А. Кадырханова пишет: «Во многом пространство памяти в Казахстане – это пространство постпамяти, это семейные истории, рассказанные родителями, бабушками и дедушками, истории появления семьи в Казахстане, которые в тысячах случаев были связаны с насильственными переселениями, раскулачиваниями, государственными репрессиями» (Кадырханова, 2019: 173–174).

Выводы

Замыслом разработчиков концепции и учредителей праздника, как нам представляется, является идея «собрания нации» в современных условиях полиэтнического общества Казахстана. Память и постпамять о депортации используются в республике как символические ресурсы в организации репрезентации социальной реальности.

Праздник День благодарности в качестве символа может быть определен в системе координат М. Эдельмана как конденсирующий символ (condensation symbols). В концепции Э. Кассирера его можно рассматривать как «символическую форму», которая является не только понятийной категорией, но репрезентует собой

образный мир, некое «откровение, идущее изнутри вовне, «синтез мира и духа», впервые гарантирующий их подлинное первоединство» (Кассирер, 2002: 45). Такой символ соединяет (*condense*) в «одном символическом событии, знаке или действии патриотическую гордость, страх, память о былой славе или унижении, обещание будущего величия, – что-то одно или все вместе» (Эдельман, 2014: 192).

В нашем случае День благодарности – конденсирующий символ, непосредственно ассоциируется с депортацией, коллективной травмой, а опосредованно – с трагическими событиями 1920–1930-х гг. в Казахстане – голодом и репрессиями. Все эти события в концентрированном виде привели к осознанию ценности человеческой жизни, к необходимости консолидации людей на личностном уровне вне зависимости от директив партии и правительства в XX веке.

Введение этого символа в государственную политику основывается на понимании политики как символической формы, когда отношения человека и политики взаимообусловлены и «являются отражением друг друга» (Эдельман, 2014: 190). Не случайно система воображаемых смыслов, рассматриваемая М. Эдельманом как жизненно важная, позволяет понять, постичь «широкой публикой действий элит, а следовательно – для социальной гармонии» (Эдельман, 2014: 190). Логика установления праздника День благодарности в Республике Казахстан свидетельствует о понимании политической элитой страны необходимости преодоления исторической травмы и об уважении к нематериальному культурному наследию, к которому относится обычай гостеприимства. Оба аспекта, как нам представляется, стали определяющими факторами в учреждении этого праздника.

Содержание концепции и факт учреждения Дня благодарности демонстрируют обращение к символическому потенциалу культурного наследия казахов (традиция гостеприимства), конструирование «собрания нации» на основе позитивизации коллективной травмы, пережитой спецпереселенцами. Также содержание концепции, на наш взгляд, опирается на использование таких символических форм (по Э. Кассиреру), как историческая и культурная память.

Именно такое его понимание стало основанием для включения в перечень профессиональных и иных праздников в Республике Казахстан нового праздника – Дня благодарности – в 2016 году (О внесении изменения, 2016: URL).

Появление Дня благодарности, безусловно, отвечает задачам государственной политики в символическом конструировании единой идентичности и укреплении целостности народа Казахстана. Именно поэтому праздник находит позитивный отклик среди казахстанцев. Праздник День благодарности, на наш взгляд, нашел свое оформление в позитивном сценарии «коммеморативной бдительности» как место памяти (*lieux de mémoire*) (Нора, 1999: 27). Ибо в дни праздников «и скорбных дат история становится памятью» (Ассман, 2014: 225).

День благодарности символически, как фокусирующая линза, вобрал в себя не только трагический опыт, поскольку соотносится с историей депортации народов в 1930-40-е гг., но и позитивный импульс, выражающийся в традиции гостеприимства казахов.

Статья выполнена в рамках реализации фундаментального исследовательского проекта «Историческая память в современном Казахстане: факторы влияния, основные идеи и тренды» Института истории государства МНВО РК.

Список литературы

Абай. Отыз төртінші сөз. Слово тридцать четвертое // Книга слов. Поэмы. – Алматы: Ел, 1993. – 272 б.

Алимгазинов К.Ш., Чиликова Е.В. Предисловие // Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. – Алматы: LEM, 2019. – С. 24-43

Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

Ахмаров Н. Операция «Чечевиза»: депортации чеченцев и ингушей в Казахстан – 75 лет. URL: <https://mir24.tv/news/16349580/vtoraya-rodina-75-let-deportacii-chechencev-i-ingushei-v-kazahstan>. 23.02.2019 (дата обращения: 25. 12.2023)

Өпендиев Т.Ә. Қазақстан аумағында неміс диаспорасының миграциялық толқынының пайда болу мәселелері // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – № 2. – 2015. – С. 240-247

Бургарт Л.А. Из истории католической веры и церкви в Казахстане. – Усть-Каменогорск, 2012. – 338 с.

В Карагандинской области установлен мемориальный знак в память о депортированных народах Северного Кавказа. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/v-karagandinskoy-oblasti-ustanovlen-memorialnyu-znak-v-pamyat-o-deportirovannykh-narodakh-severnogo-kavkaza>. 31.05.2011 (дата обращения: 25. 12.2023)

Выступление Президента Казахстана Н.А.Назарбаева на XXII сессии Ассамблеи народа Казахстана // Ассамблея народа Казахстана. Материалы к сессиям. URL: <https://assembly.kz/ru/sess/vystuplenie-prezidenta-kazakhstan-a-n-nazarbaeva-na-khkhii-sessii-assamblei-naroda-kazakhstan> (дата обращения: 11.12.2023)

Гавенцки М. Поляки в этнической структуре Казахстана. Прошлое, настоящее и будущее // Вестник Омского университета. – Вып. 2. – 1998. – С. 53-59. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i2/a053/article.html> (дата обращения: 06.12.2023)

Голубева Ш. "Дорога смерти". Путь в Казахстан вспомнили депортированные чеченцы. URL: <https://tengrinews.kz/news/doroga-smerti-put-kazahstan-vspomnili-deportirovannyye-392472/>. 23.02.2020 (дата обращения: 06.12.2023)

Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Текуева М. А. Онтологический опыт депортации: гендерный аспект. Манускрипт. – № 6-1 (68). – 2016. – С. 71-74.

Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстан) / под общей редакцией Б.И. Ракишевой. – Астана, 2013. – 683 с.

Деятельность Ассамблеи народа Казахстана. URL: <https://assembly.kz/ru/ank/deyatelnost-assamblei-naroda-kazakhstan> (дата обращения: 06.12.2023)

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 678 с.

Жабес Э. Из «Книги гостеприимства» журнал «Комментарии». URL: <http://www.arba.ru/art/6362> (дата обращения: 14.02.2022)

Жумашев Р.М., Елеуханова С.В. Депортация поляков в Казахстан в 30–40-е годы XX в.: анализ исторических источников // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – № 3 (75). – 2014. – С. 4-10

Зенкин С. Гостеприимство: к антропологическому и литературному определению // Новое литературное обозрение. – № 1. – 2004. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1/gostepriimstvo-k-antropologicheskomu-i-literaturnomu-opredeleniyu.html> (дата обращения: 10.12.2023)

Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.) Сборник документов; Архив Президента Республики Казахстан / Отв. редактор Л. Д. Дегитаева. – Алматы: ТОО «Издательский дом «Казакстан», 2000. – 344 с.

История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 608 с.

Кадырханова А. Бесконечное «после». искусство как инструмент осмысления культурной памяти и травмы в постсоветском Казахстане // Живая память. Сталинизм в Казахстане – Прошлое, Память, Преодоление / Под ред. Ж.Б. Абылхожина, М.Л. Акулова, А.В. Цай. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2019. – С. 245-271

Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 годы): дис. ...докт. ист. наук. 07.00.07. Москва, 2015. – 549 с.

Калыбекова М. Ч. Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. – № 1. Том 22. – 2015. – С. 98-101

Кант И. К Вечному миру // Сочинения в шести томах. – М.: «Мысль», 1966. – С. 256-309

Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.

Конституция Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 24.12.2023)

Крымскотатарская диаспора Алматы поминает жертв депортации. URL: <https://rus.azattyq.org/a/28495163.html>. 18.05.2017 (дата обращения 29.12.2023)

Кульбаев Т., Хегай А. Депортация. – Алматы: Данекер, 2000. – 274 с.

Махмутов З. А. История заселения татарами Казахской степи (XVII-XX вв.) // Манускрипт. – № 12-1 (74). – 2016. – С. 123-126

Николаенко Е. Новый праздник Казахстана // Электронное самоуправление этнических немцев. URL: <http://www.old.wiedergeburt.kz/index.php/germansofkazakhstan/history/1388-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA-%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 24.12.2023)

Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17-50

Об Ассамблее народа Казахстана. Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000070_#z1 (дата обращения: 23.12.2023)

Об образовании Ассамблеи народов Казахстана. Указа Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. N 2066. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002066_#z0 (дата обращения: 23.12.2023)

Об утверждении перечня праздничных дат в Республике Казахстан, Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2017 года № 689. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000689> (дата обращения: 26.12.2023)

О внесении изменения и дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 20 января 1998 года № 3827 «О профессиональных и иных праздниках в Республике Казахстан». Указ Президента Республики Казахстан от 14 января 2016 года № 173. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U980003827_ (Дата обращения: 11.02.2022)

О проекте Указа Президента РК – О проекте Указа Президента Республики Казахстан «О внесении изменения и дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 20 января 1998 года № 3827 «О профессиональных и иных праздниках в Республике Казахстан». Постановление Правительства Республики Казахстан от 5 января 2016 года № 1. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000001> (дата обращения: 19.12.2023)

ПМ, 2012-2014. Полевые материалы З. Сурагановой.

Поярков Ф.В. Последний эпизод Дунганского восстания (Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья) Памятная книжка и адрес календарь Семиреченской области на 1901 год. Издание Семиреченского Областного Статистического комитета. – Верный: Типография Семиреченского Областного Правления, 1901. – С. 1-76.

Рахметуллина Р. Интервью с А. С. Мурадовым. Счастливы, что вносим свой вклад в процветание Родины // Казахстанская правда. 21.02. 2014. URL: <https://kazpravda.kz/n/schastlivy-что-vnosim-svoу-vklad-v-protsvetanie-rodiny/> (дата обращения: 11.04.2022)

Синицын Ф. Л. Депортации народов как фактор дестабилизации этнической ситуации в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах СССР (1941-1944 гг.) // Информационная безопасность регионов. – № 2 (9). – 2011. – С. 137-143

Сорокин П.А. Вечный мир и всемирное единение народов / приват-доц. Питирим Сорокин. – Петроград: Кооперативное издательское товарищество социал-революционеров «Революционная мысль», 1917. – 31 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/751233> (дата обращения: 10 апреля 2023).

Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. – Астана, 2009. – 192 с.

Токаева А. История лагеря с экзотическим названием «АЛЖИР» и его узниц. 20.05.2011. URL: https://rus.azattyq.org/a/gulag_camp_kazakhstan/24179843.html (дата обращения: 12.02.2023)

Условное и абсолютное гостеприимство // Блог Жанны Прашкевич. URL: <http://prashkevich.com/uslovnое-i-absolyutное-gostepriimstvo/> (Дата обращения: 12.02.2023)

Эдельман М. Символическое использование политики. Реф. книги: Edelman M. The symbolic uses of politics. – 5 th ed. – Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1972. – 201 p. // Символическая политика. – № 2. – 2014. – С. 189-191

Derrida J. Of hospitality / Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond; translated by Rachel Bowlby. Stanford, 2000. 172 p.

Eist K. Fragmented histories and belonging: Intergenerational memories and experiences of Germans from the former Soviet Union in contemporary Germany. Doctoral thesis, Goldsmiths, University of London [Thesis]. 2018. URL: <http://research.gold.ac.uk/24706/> (дата обращения: 11.12.2023)

Hirsch M. The Generation of Postmemory. Poetics Today 1 March 2008. – № 29 (1). – P. 103–128. doi: <https://doi.org/10.1215/03335372-2007-019> URL: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/29/1/103/20954/The-Generation-of-Postmemory> (дата обращения: 11.12.2023)

Pohl M. “It cannot be that our graves will be here”: The survival of Chechen and Ingush deportees in Kazakhstan, 1944-1957 // Journal of Genocide Research. – № 4 (3). – 2002. – P. 401-430. DOI: 10.1080/14623520220151989

“Punished peoples” of the Soviet Union. the continuing legacy of Stalin’s. A Helsinki Watch Report. September 1991. – New York, Washington, 1991. – 78 p.

Shetkus Benediktas, Pazilov Ye. FORCED LABOR OF DEPORTED PEOPLES IN THE INDUSTRY OF SOUTHERN KAZAKHSTAN (the example of Kentau city) // Вестник КазНУ: Серия историческая. – № 1 Том 88. – 2018. – С. 103-110. DOI: <https://doi.org/10.26577/JH-2018-1-186>

Rogers C. R. Empathic: An Unappreciated Way of Being // The Counseling Psychologist. – No 2. Vol. 5. – 1975. – P. 2-10. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/001100007500500202> <https://www.semanticscholar.org/paper/Empathic%3A-An-Unappreciated-Way-of-Being-Rogers/076af19e50f022ccb5bf16f413f79b5c6904c05> (Дата обращения: 11.12.2023)

Алғыс айту күні: Қазақстан Республикасының символдық саясаты мен ортақ бірегейлікті құрастырудағы мәдени мұраның рөлі

**Зубайда К. Сураганова, Нурбек С. Пусырманов,
Еркебұлан Р. Аманғосов, Альбина Т. Культаева**
Мемлекет тарих институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Осы жұмыс 2015 жылы Алғыс айту күніне бастамашы болған ҚР Президентінің сөйлеген сөздерін, мерекенің негізгі идеяларының негізіндегі ресми Тұжырымдамасын, осы мереке туралы медиаконтентті, полиэтносты қауымдастық – Қазақстан халқының қалыптасу тарихы жөнінде түсінік беретін мәліметтерді, түрлі халықтарды республика аумағына депортациялау жөніндегі ауызша тарихи деректерді талдау негізінде жазылған.

Тарихи құжаттар мен далалық мәліметтерді қарастыру қазақстандықтардың тарихи және мәдени жарақатынан, ұжымдық жадынан туындайтын мерекенің мәдени негіздерін анықтауға мүмкіндік береді. Дереккөздерді талдау мерекелік күннің тұғырлы негіздерін ашып қана қоймай, маңызды аспектілерінің бірі – Қазақстандағы индигенді емес халықты қабылдауды институционалды түрде қамтамасыз еткен дәстүрлі қонақжайлылық тәжірибесінің әсерін айқындайды.

Жұмыстың ғылыми маңыздылығы мерекені өзектендірудің тарихи және мәдени негіздерін түсінудің шегін кеңейтудегі пәнаралық тарихи-антропологиялық тәсілдемесімен айқындалады.

Мақаланың әдіснамалық негізіне қонақжайлылық, жад, эмпатия және символдық саясат теориялары алынды. Осы аталған теориялық перспективалар қарастырылып отырған мерекенің жасырын негіздерін ашып көрсетуде мүмкін береді.

Алғыс айту күнінің ресми тұжырымдамасын талдау республиканың полиэтносты қоғамдастығын қалыптастырудың тарихы мен кезеңдерін түсіндіретін, оның негізінде

әлеуметтік және саяси қауымдастық – Қазақстан халқын біріктіретін мереке ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Жүргізілген зерттеудің тәжірибелік маңыздылығы – Қазақстан халқының тарихи тағдырының ортақтығынан туындайтын Алғыс айту күнінің сындарлы негіздерін ғылыми негізделген анықтамасында, сондай-ақ мерекенің ресми тұжырымдамасын толықтыруларында.

Түйін сөздер: мереке; Алғыс айту күні; символдық саясат; Қазақстан; қонақжайлылық; тарихи жараят; ұжымдық жад; ұлттық бірегейлік.

Gratitude Day: the role of cultural heritage in the construction of a common identity and symbolic policy of the Republic of Kazakhstan

**Zubaida K. Suraganova, Nurbek S. Pusyрманov,
Erkebulan R. Amangosov, Albina T. Kultaeva**
Institute of State History, Astana, Kazakhstan

Abstract. This paper is written on the basis of analysing the speech of the President of the Republic of Kazakhstan, who initiated the Day of Gratitude in 2015. The research explores the official concept of the holiday, examining its key ideas, media content related to the celebration, materials providing insights into the history of the formation of the multiethnic community – the people of Kazakhstan, and oral-historical evidences of various peoples deportation to the territory of the republic.

The use of historical documents and field materials allows for the identification of the cultural foundations of the holiday, resulting from the historical and cultural trauma and collective memory of the Kazakh people. The analysis of sources not only reveals the fundamental basis of the celebratory date but also identifies another important aspect – the influence of traditional hospitality practices that institutionally provided the reception of non-indigenous populations in Kazakhstan.

The scientific significance of this work lies in its interdisciplinary historical-anthropological approach, expanding the boundaries of understanding the historical and cultural foundations of the holiday's actualisation.

The methodological framework of the article is grounded in the theories of hospitality, memory, empathy, and symbolic politics, allowing for the uncovering of implicit foundations of the examined celebration.

Examining the official concept of the Gratitude Day for its interpretation as a holiday elucidating the history and stages of the formation of the republic's multiethnic community. Additionally, it serves as the basis for constructing social and political unity – the people of Kazakhstan.

The practical significance of the conducted research lies in the scientifically substantiated identification of the constructive foundations of the Gratitude Day, obtained from the shared historical destiny of the people of Kazakhstan, as well as in providing an addition to the official concept of the holiday.

Keywords: Holiday; Gratitude Day; symbolic policy; Kazakhstan; hospitality; historical trauma; collective memory; national identity

References

Abai. Otyz tortinshi soz. Slovo tridsat chetvertoe [Word Thirty-nine] // Kniga slov [The Book of Words]. Poemy [Poem]. (Almaty, 1993, 272 p.) [in Kazakh and Russian]

Alimgazinov K.Sh., Chilikova E.V. Predislovie [Preface] // Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939-1945 gg. [From the history of deportations. Kazakhstan. 1939-1945s.]. Sbornik dokumentov [Collection of documents]. V. 3. (Almaty, 2019, 708 p., pp. 24-43) [in Russian]

Assman Ia. Kulturnaia pamiat: pismo, pamiat i politicheskaia identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti [Cultural memory: writing, memory and political identity in the high cultures of antiquity] / per s nem. M.M. Sokolskoi [transl. from german by M.M. Sokolskoi] (Moscow, 2004, 368 p.) [in Russian]

Akhmarov N. Operatsiia «Chechevitsa»: deportatsii chechentsev i ingushei v Kazakhstan – 75 let [Operation “Chechevitsa”: Deportation of Chechens and Ingush to Kazakhstan - 75 years] Available at: <https://mir24.tv/news/16349580/vtoraya-rodina-75-let-deportacii-chechencev-i-ingushei-v-kazahstan> [in Russian]

Apendiev T.A. Kazakstan aumagyynnda nemis diasporasynyn migratsiialyk tolkynynyn paida bolu maseleleri [Problems of the emergence of the migration wave of the German diaspora on the territory of Kazakhstan] // Izvestiia Natsionalnoi akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk [Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social sciences and humanities] (2, pp. 240-247, 2015) [in Kazakh]

Burgart L.A. Iz istorii katolicheskoi very i tserkvi v Kazakhstane [From the History of the Catholic Faith and Church in Kazakhstan] (Ust-Kamenogorsk, 2012, 338 p.) [in Russian]

V Karagandinskoi oblasti ustanovlen memorialnyi znak v pamiat o deportirovannykh narodakh Severnogo Kavkaza [A memorial sign in honour of the deported peoples of the North Caucasus has been installed in Karaganda region] Available at: <https://kaztag.kz/ru/news/v-karagandinskoy-oblasti-ustanovlen-memorialnyy-znak-v-pamyat-o-deportirovannykh-narodakh-severnogo-kavkaza>. (2011) (accessed 25.12.2023) [in Russian]

Vystupleniye Prezidenta Kazakhstana N.A.Nazarbayeva na XXII sessii Assamblei naroda Kazakhstana // Assambleya naroda Kazakhstana. Materialy k sessiyam [Speech by the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev at the XXII session of the Assembly of the People of Kazakhstan // Assembly of the People of Kazakhstan. Materials for sessions] Available at: (accessed 11.12.2023) [in Russian]

Gaventski M. Poliaki v etnicheskoi strukture Kazakhstana. Proshloe, nastoiashchee i budushchee [Poles in the ethnic structure of Kazakhstan. Past, Present and Future] // Vestnik Omskogo universiteta [Vestnik of Omsk University], (2nd issue, 1998, pp. 53-59) Available at: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i2/a053/article.html> (accessed 06.12.2023) [in Russian]

Golubeva Sh. "Doroga smerti". Put v Kazakhstan vspomnili deportirovannye chechentsy [“Road of Death”. The road to Kazakhstan remembered by deported Chechens] Available at: <https://tengrinews.kz/news/doroga-smerti-put-kazahstan-vspomnili-deportirovannye-392472/> (2020) [in Russian]

Gugova M. Kh., Nalchikova E. A., Tekueva M. A. Ontologicheskii opyt deportatsii: gendernyi aspect [The ontological experience of deportation: a gendered perspective]. Manuscript [Manuscript] (2016, 6-1(68), pp. 71-74) [in Russian]

Deportatsiia narodov v Kazakhstan v 1930-1950 gg.: obshchnost istorii (interviu s postradavshimi ot deportatsii v 1930-50 gody v Kazakhstan) [Deportation of nations in Kazakhstan in 1930-1950s: Commonality of History (interviews with victims of deportations in 1930-50s to Kazakhstan)] / pod obshchei redaktsiei Rakishevoi B.I [under the general editorship of Rakisheva B.I. (Astana, 2013, 683 p.) [in Russian]

Drevnetiurkiskii slovar [Ancient Turkic Dictionary] (1969, 678 p) [in Russian].

Zhabes E. Iz «Knigi gostepriimstva» zhurnal «Kommentarii» [“Hospitality Books” Journal “Commentary”] Available at: <http://www.arba.ru/art/6362> (accessed 14.02.2022) [in Russian]

Zhumashev R.M., Eleukhanova S.V. Deportatsiia poliakov v Kazakhstan v 30–40-e gody KhKh v.: analiz istoricheskikh istochnikov [Deportation of Poles to Kazakhstan in the 30-40s of the twentieth century: analysis of historical sources] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. [Bulletin of Karaganda University] Seriya «Istoriia. Filosofii» [Series “History. Philosophy”] (3(75), 2014, pp. 4-10) [in Russian]

Zenkin S. Gostepriimstvo: k antropologicheskomu i literaturnomu opredeleniiu [Hospitality: to anthropological and literary definition] // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review] (1, 2004) Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1/gostepriimstvo-k-antropologicheskomu-i-literaturnomu-opredeleniyu.html> (accessed 10.12.2023) [in Russian]

Iz istorii poliakov v Kazakhstane (1936-1956 gg.) Sbornik dokumentov [From the history of Poles in Kazakhstan (1936-1956) Collection of documents]; Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] / Otv. redaktor L. D. Degitaeva [Editor-in-Chief L. D. Degitaeva] (Almaty, 2000, 344 p) [in Russian]

Istoriia Kazakhstana: narody i kultury: Ucheb. posobie [History of Kazakhstan: peoples and cultures: Textbook] / Masanov N.E. i dr [et al] (Almaty, 2000, 608 p.) [in Russian]

Kadyrkhanova A. Beskonechnoe «posle». iskusstvo kak instrument osmysleniia kulturnoi pamiati i travmy v postsovetском Kazakhstane [Infinite "after". art as a tool to comprehend cultural memory and trauma in post-Soviet Kazakhstan] // Zhivaia pamiat. Stalinizm v Kazakhstane – Proshloe, Pamiat, Preodolenie [Living Memory. Stalinism in Kazakhstan - Past, Memory, Overcoming] / edited by. Zh.B. Abylkhozhina, M.L. Akulova, A.V. Tsai. (Almaty, 2019, 272 p, pp. 245-271) [in Russian]

Kaziev S. Sh. Sovetskaia natsionalnaia politika i problemy doveriia v mezhetnicheskikh otnosheniakh v Kazakhstane (1917-1991 gody) [Soviet national policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan 1917-1991s]. Dissertatsiia na soiskanie uchen. step. d-ra istor. nauk [Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences] (Moscow, 2015, 549 p.) [in Russian]

Kalybekova M. Ch. Deportatsiia narodov v Kazakhstan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Deportation of peoples to Kazakhstan during the Great Patriotic War] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia], V.22, (1, 2015, pp. 98-101) [in Russian]

Kant I. K Vechnomu miru [To the eternal world] // Sochineniia v shesti tomakh [Compositions in six volumes] (Moscow, 1966, pp. 256-309) [in Russian]

Kassirer E. Filosofiiia simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]. V.1 (2002, Moscow, Saint Petersburg) [in Russian]

Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan] Available at: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (accessed 24.12.2023) [in Russian]

Krymskotatarskaia diaspora Almaty pominaet zhertv deportatsii [Crimean Tatar diaspora in Almaty commemorates victims of deportation] Available at: <https://rus.azattyq.org/a/28495163.html> (accessed 29.12.2023) (2017) [in Russian]

Kulbaev T., Khegai A. Deportatsiya [Deportation]. (Almaty, 2000? 274 p.) [in Russian]

Makhmutov Z. A. Istoriia zaseleniia tatarami Kazahskoi stepi (XVII-XX vv.) [History of settlement of the Kazakh Steppe by Tatars 17-20th cc] // Manuskript [Manuscript]. (12-1(74), pp. 123-126) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zaseleniya-tatarami-kazahskoy-stepi-xvii-xx-vv> [in Russian]

Nikolaenko E. Novyi prazdnik Kazakhstana [New holiday of Kazakhstan] // Elektronnoe samoupravlenie etnicheskikh nemtsev [Electronic self-government of ethnic Germans] Available at: <http://www.old.wiedergeburt.kz/index.php/germansofkazakhstan/history/1388-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA-%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0> (accessed 24.12.2023) [in Russian]

Nora P. Problematika mest pamiati [Problematisation of places of memory] // Nora P., Ozuf M., Piuimezh Zh. de, Vinok M. Frantsiia-pamiat [France-memory] (Saint Petersburg, 1999, pp. 17-50) [in Russian]

About the Assembly of the People of Kazakhstan. Law of the Republic of Kazakhstan dated October 20, 2008 No. 70-IV [Ob Assambleye naroda Kazakhstana. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 20 oktyabrya 2008 goda № 70-IV] Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000070_#z1 (accessed 23.12.2023) [in Russian]

Ob obrazovanii Assamblei narodov Kazakhstana. Ukaza Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 1 marta 1995 g. N 2066 [On the formation of the Assembly of Peoples of Kazakhstan. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 1, 1995 N 2066] Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002066_#z0 (accessed 23.12.2023) [in Russian]

Ob utverzhdenii perechnya prazdnichnykh dat v Respublike Kazakhstan, Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 31 oktyabrya 2017 goda № 689 [On approval of the list of holidays in the Republic of Kazakhstan, Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2017 No. 689.] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000689> (accessed 26.12.2023) [in Russian]

O vnesenii izmeneniia i dopolneniia v Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 20 ianvaria 1998 goda № 3827 «O professionalnykh i inykh prazdnikakh v Respublike Kazakhstan» [On introducing amendments and additions to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 20 January 1998 No. 3827 “On professional and other holidays in the Republic of Kazakhstan”]. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 14 ianvaria 2016 goda № 173 [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 14 January 2016 No. 173] Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U980003827_ (accessed 11.02.2022) [in Russian]

O proekte Ukaza Prezidenta Respubliki Kazakhstan «O vnesenii izmeneniia i dopolneniia v Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 20 ianvaria 1998 goda № 3827 «O professionalnykh i inykh prazdnikakh v Respublike Kazakhstan». Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan

ot 5 ianvaria 2016 goda № 1 [On the draft Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On amendments and additions to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan from 20 January 1998 No. 3827 "On professional and other holidays in the Republic of Kazakhstan". Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated 5 January 2016 No. 1]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000001> (accessed 19.12.2023) [in Russian]

PM 2012-2014 [FM 2012-2014]. Polevye materialy Z.Suraganovoi, 2014 [Field materials by Z. Suraganova, 2014. [in Russian]

Poiarkov F.V. Poslednii epizod Dungsanskogo vosstaniia (Malenkaia stranitsa iz proshloi zhizni Semirechia) Pamiatnaia knizhka i adres kalendar Semirechenskoi oblasti na 1901 god [The last episode of the Dungan uprising (A small page from the past life of Semirechye) Memorable book and address calendar of Semirechenskaya oblast for 1901s]. Izdanie Semirechenskogo Oblastnogo Statisticheskogo komiteta [Publication of the Semirechensk Regional Statistical Committee]. (Vernyi, 1901, pp. 1-76) [in Russian]

Rakhmetullina R. Interviu s A. S. Muradovym. Schastlivy, chto vnosim svoi vklad v protsvetanie Rodiny [Interview with A.S. Muradov. Happy that we contribute to the prosperity of the Motherland] // Kazakhstanskaia Pravda [Kazakhstan truth] (2014) Available at: <https://kazpravda.kz/n/schastlivy-cto-vnosim-svoy-vklad-v-protsvetanie-rodiny/> [in Russian]

Sinitsyn F. L. Deportatsii narodov kak faktor destabilizatsii etnicheskoi situatsii v Povolzhskom, Kavkazskom i Krymskom regionakh SSSR (1941-1944 gg.) [Deportations of peoples as a factor of destabilization of the ethnic situation in the Volga, Caucasus and Crimean regions of the USSR (1941-1944s)] // Informatsionnaia bezopasnost regionov. 2011. № 2 (9). Nauchno-prakticheskii zhurnal. S. 137-143 [Information Security of Regions. Scientific and practical journal] (2011, 2(9), pp. 137-143) [in Russian]

Sorokin P.A. Vechnyi mir i vseмирное edinenie narodov [Eternal peace and world unity of peoples] / privat-dots. Pitirim Sorokin [privat-assoc.prof. Pitirim Sorokin] Available at: <https://www.prlib.ru/item/751233> (Petrograd, 1917, p.31) (accessed 10.04.2022) [in Russian]

Suraganova Z.K. Obmen darami v kazakhskoi traditsionnoi culture [Exchange of gifts in Kazakh traditional culture] (Astana, 2009, 192 p) [in Russian]

Tokaeva A. Istoriia lageria s ekzoticheskim nazvaniem «ALZHIR» i ego uznits [The story of the camp with the exotic name "ALZHIR" and its prisoners] (2011) Available at: https://rus.azattyq.org/a/gulag_camp_kazakhstan/24179843.html (accessed 12.02.2022) [in Russian]

Uslovnoe i absolutnoe gostepriimstvo [Conditional and Absolute Hospitality] // Blog Zhanny Prashkevich [Zhanna Prashkevich's Blog] Available at: <http://prashkevich.com/uslovnoe-i-absolyutnoe-gostepriimstvo/> (accessed 12.02.2022) [in Russian]

Edelman M. The symbolic uses of politics. – 5 th ed. – Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1972. – 201 p. // Simvolicheskaiia politika [Symbolic policy] (2014, 2, pp. 189-191) [in English]

Derrida J. Of hospitality / Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond; translated by Rachel Bowlby. Stanford, 2000. 172 p. [in English]

Eist K. Fragmented histories and belonging: Intergenerational memories and experiences of Germans from the former Soviet Union in contemporary Germany. Doctoral thesis, Goldsmiths, University of London [Thesis]. 2018. Available at: <http://research.gold.ac.uk/24706/> ((accessed 11.12.2023) [in English]

Hirsch M. The Generation of Postmemory. *Poetics Today* 1 March 2008; 29 (1): 103–128. doi: <https://doi.org/10.1215/03335372-2007-019> Available at: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/29/1/103/20954/The-Generation-of-Postmemory> (accessed 11.04.2022) [in English]

Pohl M. “It cannot be that our graves will be here”: The survival of Chechen and Ingush deportees in Kazakhstan, 1944-1957 // *Journal of Genocide Research* 4 (3). 2002. 401-430. DOI: 10.1080/14623520220151989 [in English]

“Punished peoples” of the Soviet Union. the continuing legacy of Stalin’s. A Helsinki Watch Report. September 1991. – New York, Washington, 1991. 78 p. [in English]

Shetkus Benediktas, Pazilov Ye. FORCED LABOR OF DEPORTED PEOPLES IN THE INDUSTRY OF SOUTHERN KAZAKHSTAN (the example of Kentau city) // *Vestnik KazNU: Seriya istoricheskaya (Bulletin of KazNU: Historical Series)*, V. 88 No.1 DOI: <https://doi.org/10.26577/JH-2018-1-186> (2018, pp. 103-110) [in English]

Rogers C. R. Empathic: An Unappreciated Way of Being. *The Counseling Psychologist*, 1975, Vol. 5, No 2, 2-10. Available at: <http://dx.doi.org/10.1177/001100007500500202> <https://www.semanticscholar.org/paper/Empathic%3A-An-Unappreciated-Way-of-Being-Rogers/076af19e50f022ccb5bf16f413f79b5c6904c05> (accessed 11.02.2022) [in English]

Information about the authors/Авторлар туралы мәлімет/ Сведения об авторах:

Zubaida K. Suraganova – Leading Researcher at the Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences

Nurbek S. Pусырманов – Director of the Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, PhD

Erkebulan R. Amangosov – Head of the Scientific and Information Department of Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Master of Social Knowledge

Albina T. Kultaeva – Translator of the Institute of State History of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

Зубайда К. Сураганова – Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Мемлекет тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының кандидаты

Нұрбек С. Пұсырманов – Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Мемлекет тарихы институтының директоры, PhD

Еркебұлан Р. Амангосов – Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Мемлекет тарихы институты ғылыми-ақпарат бөлімінің басшысы, әлеуметтік білімдер магистрі

Альбина Т. Кultaева – Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Мемлекет тарихы институтының аудармашысы

Зубайда К. Сураганова – ведущий научный сотрудник Института истории государства Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Нурбек С. Пусырманов – директор Института истории государства Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, PhD

Еркебулан Р. Амангосов – руководитель Научно-информационного отдела Института истории государства Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, магистр социальных знаний

Альбина Т. Культаева – переводчик Института истории государства Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан